

НАТИГ МАМЕДЛИ

РАССКАЗЫ

Перевод Али САИДОВА

Клоун

– Я хочу это, хочу это...это... – пятилетний мальчонка хныкал, не переставая. Показывая на клоуна, он тянул за руку мать.

– Хорошо, скажем папе, он его позовет.

– Нет, я сам хочу пойти к нему.

– Нельзя.

– Но почему?

– Люди не должны ходить к клоуну. Он сам должен прийти. Скажем папе, он закажет клоуна.

Был день рождения Сарии-ханым. Родственники, друзья собрались в ресторане, где по заказу Лютфи-муаллима накрыли стол. Ему не очень хотелось устраивать торжество жене, которая была младше него на пятнадцать лет, тем не менее, он вынужден был это сделать. Потому что на прошлой неделе на юбилее подруги Сария на все смотрела с нескрываемой завистью. И он дал себе слово, что обязательно пышно проведет день рождения жены. Да еще как...

Чтобы все прошло хорошо, он собирался сплавить малолетнего сына к няне, дабы, говоря его словами, под ногами не путался. Но сын был не менее упрям, чем отец, и Лютфи просто не выдержал его хныканья. Вначале мальчик в окружении взрослых вел себя прилично, но потом, видимо, вспомнил, что он ребенок. Увидев издалека клоуна, стал канючить: «Это хочу, это...».

– Закажи этого клоуна, а то ребенок совсем извелся, – сказала Сария.

– Чего? – не замедлил отозваться отец.

– Это хочу, это... – опять захныкал сын, указывая на клоуна.

– Сейчас организуем, – Лютфи подозвал официанта. – Скажи этому мужику, пусть подойдет сюда.

– Он же к столам не подходит, муаллим, – у официанта, много лет проработавшего в ресторанах, выработалась профессиональная привычка: принимая заказ у клиента, выгибать спину наподобие легкого поклона и независимо от профессии всех называть «муаллим». На самом же деле он сам был муаллим, одно время преподавал в школе физику...

– Как это к столу не подходит? – Лютфи рассерженно посмотрел на официанта и, не дожидаясь ответа, произнес: – Иди, позови сюда администратора. – Лютфи после фразы, все еще жуя, громко икнул прямо в лицо официанту.

– Знаете, муаллим, такой порядок, ... клянусь. Детей отправляют к клоуну, чтобы он их развлекал. Он же не может подойти сюда и мешать вашему отдыху, да-

вайте я отве́ду малыша...

– Да, да, я пойду, – мальчик попытался побежать.

– Сиди, я тебе сказал. Я сказал, что он придет сюда и конечно!

– Папа, ну позволь, я пойду к дяде клоуну.

– Послушай, нельзя клоуна называть дядей. Здесь сидят твои дядья, каждый похож на здорового бычка, но ты их дядями не называешь. Скажи мужику, чтобы шел сюда, – опять приказал он, набычившись, официанту.

– Не беспокойся, мой пончик, сейчас он придет.

– Мама, я сто раз тебя просил не называть меня пончиком, – Лютфи гневно посмотрел на мать.

Его щеки всегда были алыми. Еще в детстве из-за небольшого роста, алых щек и полноты его все называли «Пончик-Лютфи». И вот теперь, после изрядно выпитого и спора с официантом, его щеки еще более покраснелись, став действительно похожими на пончики.

Клоун работал в ресторане уже много лет. В то время это был даже не ресторан, а просто рабочая столовая. Хотя она и предназначалась для рабочих нефтеперегонного завода, сюда заходили и прохожие, ставшие постоянными клиентами. Он тогда работал официантом. В один прекрасный день сняли заведующего. Новый шеф основательно обновил столовую. Расширил двор, посадил пальмы, которые никогда не шли в рост, устроил себе кабинет... Одним словом, после вложения солидного капитала столовая стала рестораном. Появились новые клиенты, рабочим, просто прохожим путь был заказан. А он оставался на своей работе, обслуживал клиентов. Теперь он был не один, шеф из молодых ребят набрал официантов. А ему намекнул, что пожилой официант только разгонит клиентов, лучше будет, если он перейдет на кухню. Проработав некоторое время на кухне, он вдруг подумал: а может, ему стать клоуном? Но сперва с этим не согласилась жена: «Что за клоун, ты чего, с ума сошел? Ты что, в этом возрасте сможешь быть клоуном?». «А почему нет. Вместо того, чтобы, как кошка, ковыряться на кухне, лучше детишек буду развлекать. И потом, кто меня узнает в гриме, колпаке и маске? Завтра скажу шефу».

Шеф инициативу поддержал, сразу согласился. Ему сшили цветной колпак с помпоном, костюм в красную, голубую и зеленую полосы, большой желтый нос. Он быстро освоился с новой профессией. Вскоре он превратился в любимца не только детей, но и перепивших взрослых. Некоторые приходили в ресторан именно из-за него. В рекламных роликах ресторана на телевидении он был главным действующим лицом. Выбирая эту профессию, он не ошибся в одном: клоунов любили и уважали во все времена, даже толики этого уважения он не чувствовал, работая официантом.

Примерно через три минуты клоун приблизился к столу.

– Ты где застрял, слушай, – Лютфи налившимися кровью глазами смерил клоуна с ног до головы. – Ты на него посмотри, на его костюм, колпак! Слушай, ты мужчина?

Он был готов к таким вопросам. Ему множество раз приходилось отвечать на бессмысленные вопросы не только детей, но и мужчин, от чрезмерно выпитого ввалившихся в детство. Но такой дурацкий вопрос ему задавали впервые.

– Я клоун, – спокойно ответил он.

– Не мужчина? Почему? – вопрос повторно задал с другого конца стола брат Лютфи, тучный мужчина, обгладывающий баранье ребрышко.

Он опять спокойно ответил:

– Я клоун.

– Слушая, мы не об этом, тебя спрашивают, мужчина ты или нет? – на этот раз взъелся другой брат Лютфи.

Ему очень хотелось сказать: «вам что, мужик нужен?», но сдержался.

– Ладно, не знаю, кто ты такой, погляди, что мальчик хочет, – Лютфи сунул руку в карман, вынул десятку и прилепил ее на нос клоуна.

– Как зовут тебя, малыш?

– Меня зовут Турал, дядя клоун.

– Опять дядя. Тебе не стыдно перед своими дядьями? – Лютфи обиженно посмотрел на сына. – Нельзя называть клоуна дядей.

– Турал, сынок, пойдем, поиграем в мяч.

– Поиграем, – мальчик чуть не плакал от радости.

Он бросил голубой мячик мальчику, а сам, жеманясь, стал подпрыгивать. Мальчик от радости тоже подпрыгивал, пытаясь подражать клоуну. Поиграв немного в мяч, он предложил мальчику сыграть в ловитки. Вплеснув руками, Турал бросился за ним. Громко смеясь, он схватил клоуна за хвост и они стали крутиться вокруг столов.

– Ой, не поняла, почему клоун заставляет мальчика крутиться между людьми? – поставив на стол пустой бокал, Сария обернулась к мужу.

– Слушай, ты, почему мальчика между столами крутишь? – спросил Лютфи клоуна, непрерывно икая.

– Понимаете, здесь нельзя играть по-другому. Позвольте, я заберу мальчика к другим детям.

– Нет, ни в коем случае, играйте здесь. Причем в ту игру, которую скажу я. Наклонись, пусть мальчик взберется тебе на спину, потом бегай, сколько хочешь.

– Не хочу я на спину, – всхлипнул Турал.

– Сядешь, да еще и понукать будешь. В твоем возрасте я не слезал с ишака...

– Лютфи, ты на самом деле катался на ишаках? – спросила Сария.

– А что? Или ты считаешь, что я всю жизнь на джипах ездил?

За столом послышался смешок. Лютфи говорил так громко, что окружающие не могли не услышать его.

Погода была теплой, даже не верилось, что на дворе ноябрь. Клиенты сидели во дворе, под пальмами на берегу искусственного пруда.

Клоун посадил мальчика на спину и начал скакать, как лошадь. Мальчику это понравилось. Иногда покрикивая «но-но», он понукал клоуна.

Вдруг он наклонился и шепотом спросил:

– Ты ишак?

– Нет, я лошадь.

– А почему мой папа в детстве садился на ишака?

– А потому, что твой папа кроме ишака больше ничего не видел, – ответ мальчику клоуну самому очень понравился, даже на душе стало легче. Но в один момент испугался: а вдруг мальчик скажет отцу. Что тогда? Потом он решил поправить ситуацию: – Знаешь, Турал, лошадь меньше ишака, вот вырастешь, тоже будешь, как отец, ездить на ишаке...

– Эй ты, а ну-ка поди сюда, – раздался хриплый голос Лютфи. – Предлагаю поднять бокалы за нашего клоуна.

Лютфи был уже «готов». В такие моменты его лучше не трогать. Иначе мат будет стоять трехэтажный.

- Держи это, – он протянул клоуну наполненную до краев рюмку.
- Прости, начальник, но мне нельзя. Клянусь, нельзя. Что я потом детям скажу?
- Говорю тебе, держи.

Турал все еще сидел на спине клоуна. Видя настойчивость отца, он заплакал.

– Поставь на пол этого сукиного сына. Слушай, не плачь, будь мужчиной. Разве можно плакать на мамином дне рождения? Пусть клоун с нами выпьет, потом будет играть с тобой в мяч.

- Дядя клоун, пей. Потом в мяч поиграем.
- Видишь, что малыш говорит, пей...

Клоун взял рюмку и одним махом опрокинул в рот содержимое. Подхватил мяч и хотел удалиться.

– Нет-нет, ребенка не надо куда-то забирать, здесь играйте...

Вдруг Лютфи, задрав ногу, ударил по мячу, который был зажат подмышкой у клоуна. Мяч отлетел и упал в пруд. Турал вновь заплакал, на этот раз навзрыд... Расстроенный клоун погладил его по голове, попытался успокоить:

- Не плачь, в пруд упал голубой мяч, сейчас я принесу красный.
- Нет, я хочу этот.
- Хорошо, я сейчас его достану.

Один из официантов принес длинную палку. Подталкивая мяч, подогнал его к берегу. Клоун наклонился, чтобы достать мяч, и тут... Он даже не понял, что случилось, только почувствовал сильный удар и полетел в воду. Вода была ледяной, и он почувствовал, что холод продирает до костей. Цвета специально сшитого костюма перемешались. Сидевшим за столом показалось, что это был очередной трюк клоуна, чтобы рассмешить ребенка. Все стали аплодировать. И только мальчик видел, как его отец пнул клоуна, а потом начал хохотать.

Клоун вылез из пруда, вода ручьями стекала с его одежды. Подойдя к мальчику, протянул ему мяч.

- Ты мужчина? – шепотом спросил мальчик.
- Я клоун, – ответил он.
- А кто такой мужчина?
- Мужчины – это твой папа, дядья...

Вдруг мальчик громко сказал:

- Я хочу быть клоуном...

Моя первая ложь

– Пришел, дорогой? Что ж так опаздываешь? – Абдул, подцепив на крючок линотипа четырехкилограммовую свинцовую болванку, поздоровался со мной.

- Искал книгу в читальном зале, жаль, только время потерял.
- Не нашел?
- Найти-то нашел, но все нужные мне страницы выдраны.
- Значит, тебя опередили.

Только я хотел сказать, что никогда не порву книгу, как из примыкающей к коридору комнаты раздался голос нашего ответсекретаря Талят-муаллима: «Ну, где ты пропал? Иди поешь, работы у нас сегодня много».

Абдул, словно полено, прицепил вторую свинцовую болванку к крючку и мотнул головой: «Пока пообедаем, свинец расплавится».

Работники нашего цеха, как бы ни были завалены работой, никогда не пропускали обеденный перерыв. Надо сказать, ассортимент продуктов у них всегда был один и тот же: копченая колбаса, соленые огурчики, отварные яйца, хлеб и, конечно же, «чекушка». К концу месяца ассортимент становился скуднее, но в любом случае соленые огурцы и «чекушка» оставались неизменными.

Когда я только пришел сюда работать, Абдул предупредил меня о том, что подобные собирунчики здесь – дело привычное, мол, еще с советских времен так повелось. Тогда обеды здесь были бесплатными, а тем, кто работал в горячих цехах, выдавали бутылку гатыга, чтобы шлаки выводить из организма. Поэтому работники никак не могли избавиться от этой советской привычки: есть еда или ее нет, обеденный перерыв – это святое. Дай бог здоровья и буфетчику, хотя он и не выдавал бесплатно гатыг, но до конца месяца для ребят кредит был открыт.

Когда вслед за Абдулом я вошел в небольшую комнатку, не поверил собственным глазам. Чего только не было на длинном узком столе: шекербура, пахлава, халва, крашенные яйца, шоколадные конфеты, слоеные пирожки... Одним словом, Талят-муаллим придал столу дизайн второй страницы нашей газеты. Он обычно держал ее для официальных и оперативных сообщений, а в правом верхнем углу, как он говорил, должны стоять самые важные новости. А теперь вот это самое важное место стола пустовало – там должна была стоять «чекушка».

У меня кольнуло в груди: «Черт, опять меня пошлют за водкой». Что поделаешь, у молодости свои недостатки... Но нет: Талят-муаллим наклонился, вынул из-под стола две бутылки «Агдама», поставил их на самое важное место и я успокоился.

– Это Сашины проделки, сейчас и сам придет, – ответсекретарь не успел договорить, как вошел Саша, которого я называю Сергеем Николаевичем. – Ну как? – спросил он и, взяв шекербуру, целиком отправил ее в рот.

В тот день я встал с утра пораньше, отсидел три скучные двухчасовки в университете, потом в читальном зале... Короче, был страшно голоден и потому набросился на еду.

Обычно обед время от времени прерывался тостом, а Абдул частенько подкалывал Сашу, называя его «дядя Степа-великан». Странно, но сегодня почему-то не было ни тостов, ни шуток. Молча разливали вино в пожелтевшие от чифира граненые стаканы Талят-муаллима. Под конец Абдул закурил. Я понял, что это знак того, что пора приступать к чаепитию. Нехотя встав из-за стола, я направился в угол, где пыхтел чайник.

– Вот это другое дело, – сказал Абдул, разворачивая фантик московской конфеты. – Спасибо, Саша, царство всем небесное.

– Спасибо, Саша, да будет им земля пухом, – поддержал его Талят-муаллим, поглаживая раскрасневшиеся щеки.

Вначале это мне показалось шуткой – порой невозможно было определить, когда они говорят всерьез, а когда шутят. Может, и сегодня та же ситуация, но мне стало интересно, о чем это они.

– О ком речь?

– Обо всех умерших, – поспешил пояснить Абдул, поняв, что сказанное ответсекретарем меня не удовлетворило. – Сегодня же праздник. Вот по этому случаю Саша сходил на Ясамальское кладбище и собрал с могил все сладости. А ты что

думал, что все это мы сами приготовили?

Мне стало не по себе, холодный пот выступил на лбу, по телу пробежали мурашки, а плотно сжатые зубы стали громко стучать...

– Слушай, ты случаем не блеванешь? – Талят-муаллим поднял на меня покрасневшие глаза. – Абдул, ну зачем ты сказал это при ребенке? Пойди, умойся прохладной водой...

Висевшая на цепи болванка медленно таяла, растворяясь в жерле печи. Абдул сел за линотип и начал набирать текст по пожелтевшей бумажке. Еще горячие свинцовые строчки с шелканьем вылетали, ровно укладываясь в газетные колонки. Раньше жар от линотипа жег лицо, дышать было трудно, но потом я привык, и если не учитывать летнего зноя, возле машины было даже уютно, особенно зимой.

Да, я же не сказал, кто я такой и чем занимаюсь. Недавно мне исполнилось девятнадцать, учусь на втором курсе университета, но большую часть своего времени провожу в «горячем» цехе. Сперва беру у Абдула свинцовые отливки строк еще горячими, несу Саше, а он по макету, расчерченному Талятом, верстает страницу и выдает распечатки, которые я бегом несу на шестой этаж главного корпуса, где редактор правит и отправляет обратно в цех, на доработку. В день выхода газеты эту операцию я проделываю, как минимум, двести раз.

Говорят, наша газета раньше выходила раз в месяц. Потом редактор почему-то решил выпускать ее раз в неделю, еще позже – в неделю два раза. Именно тогда один из моих друзей, который часто ошивался в издательстве, сказал, что нашел для меня работу в одной из газет (где я сейчас и работаю) на полштата. Сперва на подхвате, потом можно и статьи писать. Не раздумывая, я согласился. В библиотеках, куда я ходил, нужных мне книг не было, а в тех, которые я находил, необходимые страницы были вырваны. Правда, там я познакомился с несколькими девушками, но тоже без особой пользы. Боже, сколько же у человека может быть бесперспективных знакомств! Потому я пришел в газету.

Вот уже шесть месяцев работаю в «горячем» цехе. Но этот день для меня особенно дорог. Сегодня в газете выйдет моя статья. Я радовался, как ребенок! Нет, не потому, что получу гонорар, а потому, что публикация – первая. Не знаю, приходилось ли вам пережить подобное, но все первое особенно дорого: первый курс, первая любовь... Мое же «первое» было вот таким: первая статья.

– Когда была опубликована моя первая статья, у меня вдруг разболелся живот, – с улыбкой сказал мне главный редактор. – Наверное, нервы... В советское время таких пацанов, как ты, близко не подпускали к издательству. Но теперь... видишь, статья твоя публикуется. Что купишь на первый гонорар?

– «Чекушку».

– Что? – удивился главред. – Этому тебя в цехе научили? Алкаши проклятые, сукины дети. Мой тебе совет: купи на гонорар шоколадку, чтобы и остальные гонорары были сладкими. Понял? А теперь забирай правку и давай быстренько в цех.

Это был сто семьдесят восьмой мой поход в цех с шестого этажа. Устал неимоверно, но не подавал виду, ибо надо было еще двадцать два раза пробежаться туда и обратно. Талят-муаллим, глянув на правку, воскликнул:

– Вот конторская крыса, опять все исчеркал.

Наш ответсекретарь, хоть и уважал главного редактора, но за глаза называл его крысой. Работники горячего цеха вообще почему-то не любили главных редакторов, а когда на страницах было много правки, в их адрес отправлялись много-

этажные неллицеприятные эпитеты. Но Талят ограничивался лишь тем, что называл его крысой.

– Талят-муаллим, когда вышла ваша первая статья, у вас тоже скрутило живот?

Талят сперва растерялся, потом посмотрел на Абдула, хлопнул в ладоши, открыл рот... и тут раздался хохот Саши.

Мне стало неловко. «Ну когда же я повзрослею?» – подумалось мне. Отсмеявшись, Талят сказал:

– Сынок, человек пишет статью, думая головой, – при чем тут живот? Не помню, как я ощущал себя после первой статьи..., наверное, сердце громко стучало. А у тебя что, живот крутит?

– У меня нет, просто редактор сказал, что с ним это было.

– Слушай, каков тираж нашей газеты? – спросил Абдул.

– Пять тысяч двести пятьдесят четыре.

– Э-э, я не о том, что написано в газете, – реально сколько?

– Чуть меньше двух тысяч.

– Вот спасибо. Так вот, когда в каждом номере выходит статья нашего умника редактора, не знаю, как у него, но у двух тысяч читателей точно крутит животы.

По цеху прокатился такой раскат хохота, что перекрыл грохот линотипов.

– Здорово, Абдул, браво! – Талят, все еще смеясь, смахнул выступившие слезы и приступил к правке.

Я взял две четырехкилограммовые болванки свинца, подвесил их на крюки линотипа и, чтобы не обжечься, тряпкой подхватил готовые строчки и понес их Саше. Как я ни старался держать их подальше, рукава рубашки все равно были вымазаны черной краской, а на сей раз я испачкал еще и руки. Но это было не страшно, потому что я принес свинцовые строчки моей первой статьи, они скоро пойдут в печатный цех, потом перейдут на бумагу – словом, превратятся в газету, которая с раннего утра попадет в руки читателей. Если бы не занятия, я бы весь этот процесс проследил от и до. А с раннего утра попросил бы распространителей отдать газеты в самые лучшие, ходовые киоски... Думая об этом, я мечтал, чтобы побыстрее настал завтрашний день.

– Я что-то не обратил внимания, о чем ты там написал? – ткнув шилом в мою статью, спросил Саша.

– О воде, Сергей Николаевич.

– Правильно, молодец, уже десять дней у нас воды нет, мои дети во дворах возле базара у кранов стоят с ведрами в очереди за водой. Нет, ты представляешь: в наш век ведрами воду таскать!

– Нет, я написал, что с водой все в порядке, что в нашем городе с этим проблем нет.

– Ты что, написал неправду?

– Слушай, что ты пристал к пацану? Ему что сказали, то он и написал. Если у вас нет воды, это не значит, что ее нет нигде, – Абдул, не отрываясь от клавиатуры линотипа, поддержал меня. – А ты не переживай. Главное не в том, правда это или нет, главное, чтобы ты сам верил в то, что пишешь.

Было уже далеко за полночь, я сто девяносто восьмой раз спускался с шестого этажа в цех. Осталось спуститься всего два раза. Еще два раза принести правку, и все закончится. И буду ждать утра...

– Талят-муаллим, а нельзя мою статью чуть повыше разместить?

– Например, где?

– Ну, например, на «чердаке» пятой полосы.

– Ты знаешь, статьи нельзя размещать где попало. У каждой свое место. Например, то место, которое ты указал, предназначено для платных статей, оно на виду. А твою статью я разместил в «подвале» шестой полосы. Это тоже неплохо, кому надо – тот прочтет. И потом, ты ведь понимаешь, что такое публиковаться в твоём возрасте? Будешь хвастаться в университете. Ваши престарелые профессора из кожи вон лезут, чтобы печататься в нашей газете...

– Да, главный редактор тоже так сказал. Говорит, в советское время таких пацанов, как я, к издательству близко не подпускали.

– И ты ему поверил. В советское время как раз таких, как ты, подпускали, но их не пускали в горячие цеха... А твой редактор с цыганским лицом тогда ошивался вокруг линотипа, вместе с нами раздавливал «чекушку», теперь вот стал гавкать...

– Есть хорошая поговорка: «Когда лев стареет, нападают муравьи», – это уже была реплика Саши.

Подхватив последнюю правку, на подгибающихся от усталости ногах я полпелся на шестой этаж.

Когда вышел из издательства, был третий час ночи. Я устал, как собака, хотя и не признавался в этом даже себе. Кстати, о собаках. Если по пути в общежитие мне встретятся бродячие псы, у меня не будет сил не только убежать, но и даже поднять камень с земли. Они, как правило, неожиданно выскакивали из-за кладбищенской ограды и единственным спасением было бежать. На этот раз все прошло на удивление спокойно, но я на всякий случай все же подобрал пару камешков и, озираясь, побрел к общежитию. Сперва я удивился, что собак нет, но потом, вспомнив Сергея Николаевича, понял: наверняка он не полностью обчистил могилы, и собакам есть, чем полакомиться. Они сейчас пируют, а нападение на меня оставили до следующего раза...

А вот и наше общежитие. Я живу на девятом этаже в восемьдесят девятой комнате. Мобилизовав последние силы, хватаясь за перила, я стал подниматься вверх. На самом деле это был не подъем, а движение по-пластунски. Чтобы никого не беспокоить, тихонько отворил дверь и уже собирался незаметно пробраться к постели, как услышал голос соседа по комнате:

– Что за вид у тебя? – прекрасно зная, где я работаю, он, тем не менее, каждый раз задавал этот вопрос. – Вышла?

– Что?

– Статья.

– Да. Завтра газета будет в киосках.

– Ладно, давай я тебе полью, вымой руки, ты, бедолага, чумазый, как трубочист.

– Рукава рубашки тоже грязные, хочу ее постирать.

– Ты о чем, воды нет! Мы ведрами принесли ее аж от Ясамальского базара! Два ведра с трудом подняли на девятый этаж. Только вскипятить воду для чая, да помыть руки. В туалет не смей ходить «по-большому», воды нет, и неизвестно, когда будет. А теперь иди спать.

– А ты куда?

– Я во двор, «по-большому»...

«Воды нет и неизвестно, когда будет...», – слова моего друга, словно молоток, стучали в голове. Я вертел ею и так, и сяк, а молоток все равно стучал. Если завтра

прочтут газету, я опозорюсь. Черт с ней, с грязной рубашкой, воды нет даже чуть помыться. Бедные ребята несколько километров тащили ведра с водой. А я написал, что вода есть везде и всюду, у нас с этим проблем нет. «Ты написал неправду?». Этот вопрос Сергея Николаевича в цеху потряс меня: первая статья и такой провал... А что будет дальше? Это моя первая ложь. «Главное, чтобы ты верил в то, что пишешь». Хорошо, что Абдул поддержал меня. Вспомнив его слова, я немного успокоился, молоток чуть поутих.

Весь в расстроенных чувствах я кое-как заснул тревожным сном. Не дожидаясь звонка будильника, вскочил, стаканом воды сполоснул покрасневшие глаза. Утренний туалет, чистку зубов и расчесывание шевелюры я оставил на потом. Перед занятиями приведу себя в порядок, а сейчас важнее газета, думал я. А тут еще и живот скрутило, словно подтвердив слова главного редактора. Видимо, он прав, что первая статья отражается именно коликами в животе. Короче, словно орел, набрасывающийся на свою жертву, я бросился к первому же киоску. Но ответ киоскера затарахтел в мозгу, словно линотип Абдула.

– Газет нет, все раскупили.

– Как нет, неужели нашей газеты нет ни одной?

– Нету, родной, ни Нашей, ни Вашей, ни Ихней, все раскупили.

Странно, в обычные дни газеты в киосках залеживались аж до вечера. А сегодня с раннего утра нет ни одной. Вдруг подумалось: а может, у моей статьи нога легкая, что раскупили не только нашу, но и другие газеты. Прямо как в былые времена, когда народ, перед тем как пойти на работу, выстраивался в очередь у киосков. Как бы хотелось еще раз увидеть ту очередь.

До занятий оставалось много времени, и я решил пройтись по другим киоскам. Но боли в животе не давали покоя, поэтому я спешно подался в один из парковых туалетов для «большого» дела. Протянув копейки пожилому мужчине, о чем-то беседовавшему со сверстниками, я вошел вовнутрь.

И..., а вот и наша газета. Разорвав ее на две части, кто-то услужливо повесил ее на ржавый гвоздик. Понятно, для каких целей. Меня словно молнией ударило, дрожащими руками полистав газету, нашел свою статью, сложив, спрятал в карман. Молоток, стучавший с ночи, теперь превратился в кувалду, которая рушила все мои мысли, надежды. От удивления тому, что в киосках города, который более десяти дней сидит без воды, с утра пораньше исчезли газеты, мое лицо покраснелось, словно от пощечины. На ржавом гвозде висели все еще пахнущие типографской краской полосы наших, ваших, ихних газет. А виноват был я, и на гвозде должна была висеть только моя статья, моя первая ложь...

Вдруг что-то заурчало, зафыркало, вслед за этим прозвучала фраза «Слава тебе, господи».

Когда я вышел на улицу, спрашивать, что случилось, не имело смысла. Старики с просветленными лицами показывали на кран: «Вода пошла...!»